

Когда смерти человека хочется развлечься, он делает это за счет чужих жизней. (Ф. Ницше)

Юзик, сын рабочего Митрохи, девятилетний мальчуган, с черными волосами и горящими, как тлеющие угольки в печке, черными точечками глаз, из всех мальчиков на этой захолустной улице Севастополя, слыл маленьким чертенком. Еще бы. Едва учитель открывал рот, а Юзек уже шептал на ухо соседу по парте то, что тот только собирался сказать это.

— Откуда ты знаешь? — шокировано спрашивал сосед.

— Знаю. Моя голова сама ловит его мысли...

— Ух ты! А моя не ловит, — сокрушался сосед.

— А ты слушайся меня во всем и твоя тоже ловить будет, — таинственно шептал сосед и тут же поднимал руку, чтобы ответить на поставленный вопрос.

Юзик был круглым отличником, но науки, казалось, не очень интересовали его, ибо его манило любопытство таких тем, которые для детей его возраста, считались запретными. Однажды он спросил учительницу откуда появляются дети, на что бедная женщина закашлялась и еле прохрипела: вырастешь, узнаешь...

— А я и так знаю, — хитровато улыбнулся Юзик, поедая глазами ее выпуклую грудь...

— Если знаешь, то зачем спрашиваешь? — спросила покрасневшая женщина.

— А мне интересно. Знаете ли это вы?

— Все взрослые люди знают это, но вам еще рано об этом говорить...

— А нас аист в капусте нашел и принес домой, — хихикнула в ответ сзади сидящая вихрастая Люська, которая одна в классе не боялась Юзека и часто спорила с ним до хрипоты. Девчонка была дочерью полковника Копальского, командира большой воинской части, расположенной недалеко от их школы. Она строго выполняла мамин совет: «Ни когда и ни в чем не уступать мужикам». Она точно знала откуда появляются дети, так как после одной из подсмотренных сцен в родительской спальне у мамы вдруг начал заметно расти живот, и вскоре появилась на свет ее младшая сестренка-копия папочки. Юзик злился и, казалось, был готов проглотить эту непокорную девчонку, от которой не раз получал затрещины за попытки ущипнуть ее за выпирающий из блузки сосок или заманчиво вздрагивающие ягодицы, которые плавно перемещались при ходьбе: вниз, вверх, вниз, вверх... Люська знала о секрете этих интересных для мальчишек деталей в ее фигуре и пользовалась ими в открытую, которую применяла частенько в спорах с пацанами. Но единственный в классе Эрик, высокий, черноволосый мальчик с ямочками на щеках и затуманенным какими — то далекими мыслями, взглядом, смотрел на нее, не мигая, и ей казалось, что он смотрит сквозь ее тело. Эрик не любил Юзека и считал его шарлатаном, хотя и не мог объяснить источников его таланта.

В седьмом классе Эрика и Люську посадили вместе за самую заднюю парту, подальше от Юзека, который уже пытался в открытую ухаживать за дерзкой девицей. Непокорная никому и часто грубая Люська при Эрике становилась тихой и покорной и отметки в ее дневнике тут же от троек переходили в четверки и пятерки. Изучая успеваемость дочери, полковник Копальский заметил эту особенность и велел жене пригласить на день рождения старшей дочери и Эрика с мамой. Отец заметил, что щебетавшая, как сорока, дочь, сидящая за столом рядом с молчаливым парнем, не убирала острый каблучок своей лакированной туфельки с ноги Эрика, который коротко отвечал на вопросы отца Люськи только; да или нет...

Полковнику очень понравился этот парень, который после школы собирался поступить в военно-морское училище и стать офицером, как его погибший на войне отец, который когда-то был командиром над отцом Люськи. На все вопросы окружающих в том числе и родителей Люськи и своей матери, нравится ли ему его коллега по парте, Эрик тайно улыбался, глядя в какую-то далекую даль и неопределенно отвечал: «Будущее покажет...». Когда об этом узнал Юзек, то страшно психанул и публично высказал свое мнение о ее кавалере.

— Зря крутишь хвостом перед носом Эрика, красотка. Его судьба уже определена...

— Кем? — вспыхнула как костер, в который ливанули кружку керосина, строптивая девица. — Запомните все! Он мой! И только мой! — кричала она в классе, когда Эрика там еще не было. Когда Эрик вошел в класс и увидел озабоченные лица ребят, то тайно ухмыльнулся и сел за парту.

— Эрик! Тут общество интересуется, — начал было Юзек, но, глянув на сжатые кулачки своего идеала, вдруг осекся и сел за свою парту.

— Юзек? Ты это о чем? — спросил Эрик, смотря в какую-то даль поверх головы Юзека.

— Да все о том же... Ну, ты сам знаешь...

— А-а-а... Вы все о свадьбах судачите?

— А что в этом плохого? — не сдавался Юзек, — тут кое-кто собирается за тебя замуж выскочить...

— Гм... А ты же предсказатель судьбы человеческой. Почему не просветишь уважаемое общество? А? — усмехнулся Эрик.

— Это твоя служба. Вот и просвещай. — уклонился от ответа классный предсказатель.

— Ребята. Скоро экзамены. Давайте за ум возьмемся, а все остальное на потом оставим, а? — ответил староста класса, впервые кинув одобрительный взгляд на поддрагивающие губы Люськи. У той вдруг глаза неестественно расширились и из них, словно из ручья, хлынули слезы. Она кинулась к Эрику и повисла на его шее!

— Милый! Никому я тебя не отдам. Слышишь?

— А меня никто и брать не хочет! — натужено засмеялся Эрик, освобождаясь от Люськиных рук.

— Это все ты колдуешь «Оборотень» нечестивый, — надвинулась на Юзека Люська.

— Нет! Не я. Судьба, милая моя, судьба у тебя такая. Твой Эрик уже давно там, — указал он пальцем в небо, — для другой предназначен... Не так ли, Эрик?

— Так, молодые люди! Уже давно звонок прозвенел, а вы все еще решаете мировые проблемы? — спросила вошедшая в класс молодая учительница по истории.

— Да нет! Мария Павловна. Это все Юзек с Эриком Люську делят, — раздался голос из-за плеча Юзека.

— Ну и как? Поделили?

— Нет! Но время еще есть...

— А у тебя его уже нет, — обернулся Юзек и от его свирепого взгляда, говоривший упал на пол, корчась в судорогах.

Об этом заговорила вся школа. Дошел слух и до директора. Мудрый мужик, прошедший войну и повидавший в жизни всякое, предложил Митрохе сводить сына к врачу на предмет определения особенностей в его поведении. Но Митроха обложил его, как говорил поэт, «в бабушку и бога душу мать» и плюнул ему в след, сказав, что гениев в России никогда не

уважали и боялись. Люська, оправившись от этого инцидента, вскоре пошла в открытую атаку на Эрика. Когда они совместно готовились к экзаменам, то ее мать создавала все условия молодым людям, чтобы они не только занимались науками, но и изучали тела друг друга. Сама тетя Маша входила в таком открытом декольте и разрезе в юбке чуть ли не до пупка, что никому не представляло усилий понаблюдать, что же там надето у нее под юбкой, особенно тогда, когда там ничего и не было.

Люська, как-то наедине устроила мамуле небольшой скандалчик, что та под ее жениха «косит», на что мать, плотоядно улыбнувшись, ответила, что надо приручить этого «медведя» к женскому телу, иначе он сбежит в свою «тайгу мысленных переживаний». Но «медведь» и не думал убегать. Как-то, когда он пришел позаниматься с будущей невестой к выпускным экзаменам и застал дома только Марию Павловну в широком шелковом халате, одетом прямо на голое тело, то он не выдержал и дотронулся рукой до ее пышной груди, спросив, что же это за материал. Мария Павловна, сидящая на кровати, вдруг упала навзничь, увлекая за собой восемнадцатилетнего юношу, не давая ему упасть с нее.

— Что же я делаю?! Она же мать моей будущей жены! — в отчаянии подумал он, но тут она опередила его мысли:

— Ты не переживай, милый мальчик, это же жизнь. Чтобы стать хорошим мужем для Люси, ты должен научиться быть классным любовником. Ты должен овладеть такими обольстительными приемами секса, чтобы Люси хотела всегда только тебя одного. Для этого надо знать все тонкости любви. Я давно хотела предложить тебе это, но как-то все побаивалась. Думала, что ты неправильно все поймешь.

— А я тоже об этом думал. Боялся оскандалиться в кровати...

— Боялся, что быстро кончишь?

— Да, Мария Павловна. Как вы догадались?

— Господи. Я же женщина опытная, любовница со стажем. Я своему Косте изменила в брачную ночь. Он выпил сверх меры и уснул у меня между ног. Слава богу его лучший друг не растерялся, он был свидетелем на свадьбе. Он тут же влез в постель и сработал, как надо...

— Лишил вас девственности?

— Что ты! Это он сделал загодя, примерно за год до свадьбы. Он пришел с другом, твоим папой, мальчик, вот твой папа меня и оттрахал. Твой отец еще не был женат на твоей маме, та еще девчонкой бегала, так они вдвоем меня терли всю ночь. Настоящий групповой секс. Вот это был кайф. Они пили, смеялись, говоря: «Хочешь отличиться перед своей любимой женщиной, так отдери накануне другую, опытную и блудливую. Я тебя многому научу, Люська будет тебя боготворить, ну, а ты и меня не бросишь. А?».

— Нет, конечно! Как можно бросить такую Нимфу? Мария Павловна, — она тут же одернула его, сказав: « В постели я просто Маша», Чего ты еще хочешь?

— А вы не будете меня ругать?

— Ну. Говори, что?

— Я хочу вас в рот...

— Вот чудак. Я сама этого хочу. Обожаю вкус мужской спермы. У твоего отца была сперма — класс. Недаром ваша мать родила таких молодцов, А?

— Жаль, что он погиб...

— А мне как жаль... Такой был классный любовник. Он же был родом из Латвии, а там люди давно знали, что такое настоящий секс. И тебе наперед советую, что прежде, чем трахать

женщину, ищи у нее в пипуле точку «ДЖИ». Это то, что может вызвать у женщины струйный оргазм.

— А как же ее найти?

— Пальчиком, милый, пальчиком. Давай потренируемся?

— Давай...

— Давай два пальчика вот так и потихоньку вводи их сюда, — она раздвинула ноги, — вот сюда, так, дальше, пошевели, Ох!

— Она?

— Нет. Она рядом. Давай еще. Ой! Вот тут... Поработай пальчиками, а когда я осатанею, то мигом вводи член. Он у тебя вон в каком напряге! — она уцепилась за его «Молодца» и стала слегка мастурбировать.

— Вводи! Только прямо сюда, — подсказала она.

Он ввел и пошевелил там членом.

— Ой! А ты — садист, Эрик! Ой! Крепче! Еще крепче! Дуй сейчас, что есть мочи...

Он опрокинулся на спину и мигом взгромоздил ее на себя. Она тоже старалась насадиться на него как можно глубже. Она вращала бедрами, стараясь надеться на него так, чтобы его член уперся в желанное место.

— Ох! Держи! Не шевелись! Я сама поработаю...

Теперь он только держал, боясь, как бы она не слетела с контакта с его членом. Но женщина уже осатанела. Она ничего не видела и не слышала, она опустила голову так, что ее шикарные волосы упали на его лицо. Ему было щекотно, но приятно. Он драл ее и был счастлив, что он управляет своим телом так, как ему хотелось. Он закрыл глаза от наслаждения, ему казалось, что он плывет по синему небу, а кругом носятся ласточки и щекочут его своими крыльями. Она охала и ахала с каждым качком, ему показалось, что ее тело стало тяжелее. Он открыл глаза и увидел, как чьи-то белые руки сжимают его партнершу за плечи, и сверху раздаются шлепки о ее могучий зад.

Он замер, — Кто здесь?!

— Здесь я, полковник Копальский, Констаттин Константинович, а ты, как мне кажется кандидат в мужья моей дочери Эрик Звягинцев. Не так ли?

— Костя! Прекрати! Сначала закончим процесс, а потом будем выяснять отношения, — раздался утробный голос Марии Павловны, словно из-под земли.

— Хорошо. Поехали...

И они снова запыхтели, усердно трудясь над ее роскошным телом. Она подмахивала медленно, стараясь придать их движениям прежнюю частоту и сладость. Муж трахал жену в зад, любя этот вид сношения более остальных, а новоявленный любовник усердно искал эту многообещающую точку в ее теле. Наконец, она приподняла голову, словно очнулась от волшебного сна.

— Теперь держитесь, мальчики. Кажется, приехали, — сказала она и так завертелась на их членах, что им стало страшно. Но они продолжали качать и качать, стараясь наградить ее точкой «ДЖИ».

Она вдруг задрожала мелкой дрожью и так стала прыгать под ними, пока отчаянный крик сладострастья не вырвался из ее груди. Она свалилась набок и стала поливать мужа словно водой из брандспойта. Костя хватал ее за руки, облизывая ее тело, а Эрику стало вдруг почему-то плохо, и он просто рыгнул на ее грудь.

Костя! Тащи его в ванну, налей воды. Я тоже скоро приду к нему, — сказала Мария Павловна, вставая.

— Эрик лежал в теплой воде и блаженствовал. Он пытался проанализировать происшедшее, но тут же отложил это на потом. Вдруг он услышал голос Маши. Она вошла в ванну боком с мочалкой на плече, и когда повернулась к нему, то Эрик лишился дара речи: на него внимательно смотрели черные точки глаз Юзека...

Эдуард Зайцев.